

Несколько слов уважения и благодарности профессору Бабичу

Я познакомился с работами Василия Михайловича Бабича в середине 60-х годов прошлого века, будучи студентом-старшекурсником, а затем аспирантом Московского физико-технического института. Мой руководитель — Георгий Данилович Малюжинец, известный в кругу специалистов своим “первым после Зоммерфельда точным решением задачи дифракции” на импедансном клине — с глубоким уважением относился к Василию Михайловичу, его учителю В. А. Фоку и коллегам по Ленинградской школе математической физики. С Бабичем мне довелось познакомиться, будучи слушателем 1-й Всесоюзной школы-семинара по дифракции и распространению волн в Паланге летом 1965 года. Среди преподавателей, кроме классиков (В. А. Фок, Л. А. Вайнштейн, В. Д. Купрадзе) и тройки молодых “петербургских тигров” (В. М. Бабич, В. С. Булдырев, И. А. Молотков), привлекли внимание В. А. Боровиков и П. Я. Уфимцев, с которыми в будущем меня связали годы дружбы и сотрудничества. К сожалению, в этой короне советских матфизиков в Паланге не хватало моего шефа (по-видимому из-за сложных отношений с Львом Альбертовичем Вайнштейном), но в целом это был незабываемый парад талантов.

Василий Михайлович в своих лекциях прежде всего привлекал академической манерой изложения материала: никаких заранее подготовленных плакатов или слайдов — только кусочек мела и неспешное вовлечение слушателей в ход твоей мысли. Слушая чужой доклад, он обычно погружался в буддистское состояние отрешенности, напоминающее сон (одна моя знакомая, присутствовавшая на защите, даже позволила себе назвать его “спящей красавицей”), но абсолютно не терял нить изложения и был готов в любой момент задать вопрос или дать совет.

Несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте и неопределимое превосходство в знаниях и опыте, Василий Михайлович никогда этого не показывал. Наоборот, он любил подчёркивать свое “пролетарское происхождение” охтенского парнишки. В дружеском общении отличался скромностью и мягким юмором. Помню, перед моим докладом в ЛОМИ он пригласил меня выпить кофе в соседней булочной. Заказывая, попросил себе две чашки и виновато сказал: “Очень хочу послушать тебя, но боюсь заснуть”.

Не считая уместным на этой страничке обсуждать вклад Бабича в математическую теорию дифракции, сошлюсь на высочайшую оценку его таланта и достижений моими учителями в МФТИ и Акустическом институте (М. А. Исаковичем, Л. М. Бреховских, Г. Д. Малюжинцем) и зарубежными классиками, с которыми довелось общаться на конференциях (Дж. Б. Келлер, Л. Б. Фелсен, Ф. Д. Тапперт и др.). И, конечно, навсегда сохраню благодарность за два десятка питерских коллег и друзей, воспитанных Василием Михайловичем.

Алексей Владимирович Попов